

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

1. У СВЕТЛЫХ РОДНИКОВ

Пожалуй, немногие из читателей знают, что у писателя И. С. Соколова-Микитова /1892-1975/ , жизнь которого многие годы была связана со Смоленщиной, есть рассказ под названием «Камчатка». Далёкий наш край однажды взбудоражил жителей его родных мест.

«От извечной ли тоски русской души по путям и далям или от чего другого – уж который раз подымался по деревне слух о чудесной земле Камчатке», - пишет автор.

« - Приехали на станцию люди, открыли контору, записывают на Камчатку. На рыло по двести червонцев, дорога туды и сюды, харч казённый – ешь, сколько влезет! А ехать через Сибирь два года. Дело самое плёвое: копать золото. Не зевай, айда, ребята!

Оголтела, зашевелилась деревня: точно бес вставил мужикам острые шилья. Днём на сходках, ночью с бабами на полатах всё о том же: айда на Камчатку!»

Рассказ был написан в 1924 году, позже входил в собрание сочинений писателя. Те, кто поддался соблазну и собирался «озолотиться», оконфузились. Заманчивое предложение оказалось всего лишь слухом. Милиция на железнодорожной станции переполошилась. «Какая Камчатка? Идите, говорят, не дурите, невежество такое при революции недопустимо!»

Об этом случае было рассказано так ярко, выразительно, сочным народным языком, что эпизод превратился в сколок крестьянской жизни того времени, стремлений неугомонной души человека.

Я вспомнил этот и другие рассказы писателя, когда в 2012 году получил приглашение на церемонию вручения международной литературной премии имени Соколова-Микитова, учреждённой земляками писателя на Смоленщине.

Творчество Ивана Сергеевича знакомо и дорого мне с юности. Всё, о чем он писал - об укладе сельской жизни, о речках и плещущей в ней рыбе, о лесах, зверях и птицах, - в полной мере относится и к моим родным местам. Белорусская деревня, в которой я родился, находится в 150 метрах от границы со Смоленщиной. Собственно, границы никакой не было. Маленькая речушка Городня разделяла две соседние деревни с одинаковым названием: Городец на белорусской стороне и Малый Городец – на смоленской. Откуда такие названия? Старожилы говорили: по огородам речка течёт, наверное, поэтому. А когда я прочитал рассказ Соколова-Микитова «Курган» - о городищах, древних поселениях, понял, что в названиях родной деревни и реки другие истоки.

«В давно забытые времена наш край был покрыт неисхоженными дремучими лесами. Протекала среди лесов большая многоводная река, бродил по лесам непуганый дикий зверь. Селились на берегах реки наши древние предки славяне, насыпали высокие городища, оставляли за собою зеленые могильные курганы... И теперь можно видеть эти высокие городища».

Читая эти строки Соколова- Микитова, мне не нужно было представлять их в своем воображении. Курган возвышался на берегу моей родной речушки. Его называли у нас «городок». Никто из жителей не знал, когда он появился. О нём ходили разные слухи и легенды. Таких загадочных мест в верховье Днепра и его притоках - много. «Смоленская земля на протяжении веков не раз переходила из рук в руки – претендовали на нее киевские князья, затем московские. Долго владела ею Литва, посягала Польша. В 1812 году с разбоем и грабежами прокатилась по этим местам, идя на Москву, французская армия императора Наполеона, которая затем бежала под натиском русской конницы и партизан, теряя награбленное добро и солдат. До сих пор памятниками далёкого прошлого возвышаются на берегах рек остатки городищ и живописные курганы», - отмечает писатель.

Соколов-Микитов родился на рубеже XX века /1892 г./. И все, что обрушилось затем на Россию – революция 1905 года, первая мировая война, Октябрьский переворот, гражданская война, - втянуло в водоворот событий и будущего писателя. Исключение из реального училища в Смоленске «по подозрению в принадлежности к революционным организациям». Служба в санитарных отрядах во время империалистической войны. Затем полёты в качестве механика на первом русском тяжёлом бомбардировщике «Илья Муромец», командиром которого был его земляк Г. В. Алехнович – один из первых знаменитых пилотов в России. После февральской революции 1917 года Соколов-Микитов был послан в Петроград депутатом от фронтовых солдат. В годы гражданской войны и разрухи в качестве уполномоченных по снабжению продовольствием Северного и Западного фронтов двинулись с другом в поисках хлеба на Украину. На юге чудом вырвались из лап махновцев. В Киеве оказались в застенках контрразведки белогвардейцев, где офицер грозился расстрелять. «С какой целью приехал? – допытывался он. «За хлебом. И были дела в журнале». – «С кем встречался?» Иван Сергеевич назвал фамилию сотрудницы журнала. Последовала проверка. «Твоё счастье, - сказал офицер,- что это оказалась моя сестра».

«Я решил из Киева бежать. Киевское моё житьё и сотрудничество в журнале «Ковёр-самолёт» навсегда прекратились», - вспоминал Иван Сергеевич. В Крыму он устроился матросом на торговое судно. Но в Англии, куда оно пришло, экипаж оказался у разбитого

корыта – судно оказалось проданным белогвардейскими властями. Более года скитался моряк по портовым ночлежкам. Позже он описал жестокость чуждого мира в «Морских рассказах» и в повести «Чижикова лавра».

«Я знал и видел Россию кровью моего сердца, жестокие, трагические недостатки; пороки, которыми болел народ, я чувствовал в самом себе. Но как, быть может, у многих русских, не утративших способности отдавать своё сердце любви, Россия была для меня тем самым миром, в котором я жил, двигался, которым дышал», - вспоминал он.

В тяжёлые годы на помощь приходили друзья. И он выручал многих. Круг литературных друзей Ивана Сергеевича был широк. Ещё до революции в петербургской квартире у А. М. Ремизова он познакомился со многими писателями, в том числе с Ольгой Дмитриевной Форш, с которой позже встречался в Киеве и Петербурге. В Крыму он сошёлся с известным прозаиком И. С. Шмелёвым. В Одессе в год гражданской войны познакомился с И. А. Буниным, переписывался с ним, когда тот жил в Париже. Михаила Пришвина и его семью, которой трудно стало жить в Ельце, он устроил у себя на родине в Дорогобужском уезде. Несколько раз встречался с А. М. Горьким в Петербурге и за границей. В Берлине, возвращаясь на родину после заграничных мытарств, сблизился с А. Н. Толстым. К. А. Федин приезжал к нему на Смоленщину, где в «скромной обители» дописывал свой первый роман «Города и годы» и начинал писать «Трансвааль». Он дружил с А. С. Грином и А. И. Куприным. Почти двадцатилетняя дружба связывала его с А. Т. Твардовским. После шумной Москвы поэт приезжал отдыхать в его последнюю обитель – в Карачарово на Верхней Волге.

Две линии в жизни Ивана Сергеевича, казалось бы, такие противоречивые, часто пересекались в его судьбе. С одной стороны – любовь к родной земле, отчужденности, куда он возвращался после житейских бурь и невзгод. С другой стороны – жажда странствий уводила его далеко от родного гнезда. Он признавался, что «не испытывал влечения к оседлости, собственности и домоседству». Еще в молодости, будучи матросом на торговых судах, Соколов-Микитов побывал во многих европейских, азиатских и африканских портах. Но и в зрелом возрасте эта страсть не угасала. Только жаркие южные широты сменил на холод арктических морей. Он участвует в многочисленных северных экспедициях. В 1931 году с давним другом, полярным исследователем и художником Н. В. Пинегиним отправляется на Землю Франца Иосифа. Зимой 1931-1932 гг. – в экспедицию, организованную для спасения корабля «Малыгин». В 1933 году – он среди участников подъема в Кандалакшской губе ледокола «Садко», утонувшего в 1916 году. Летом 1939 года вместе с исследователями Арктики В. Ю. Визе, Р. Л. Самойловичем и О. Ю. Шмидтом он был в составе экспедиции в Северном Ледовитом океане. Его другом

был известный полярный капитан Воронин Владимир Иванович, шесть братьев которого также были капитанами дальнего плавания.

«Моя почти вся жизнь прошла в путешествиях»,- вспоминал Соколов-Микитов. Арктические экспедиции, поездки по заповедным местам в Карелию, на Таймыр и побережье Каспия, в горы Тянь-Шаня и Кавказа обогатили писателя яркими впечатлениями. Он сосредоточил свою литературную работу на рассказах о природе, расширив для подрастающего поколения географию познания страны. Один за другим появляются в печати циклы небольших по размеру, но ёмких по содержанию рассказов «У края земли», «Белые берега», «На родине птиц», «У студёного моря», «По горам и лесам». Умение зорко видеть и чутко слышать – эти качества, приобретённые в детстве, в сочетании с точным, образным словом позволили Ивану Сергеевичу проложить тропу к душам и сердцам юных читателей. В круг чтения прочно вошли его книги о природе средней полосы России «Звуки земли», «От весны до весны», «По лесным тропам», «Русский лес», «На теплой земле».

Всегда любопытно познакомиться с местами, связанными с жизнью и творчеством писателя. Длинная лента дороги, прорезая зелёные чащи, вьётся вдоль реки Угры. Хвойный запах перемежается с тонким ароматом молодых берёзовых листьев. Лесной угол Смоленщины со светлыми водами рек и озёр, с шелестом душистых трав и пением птиц, с родниками жизни народной питал творчество писателя. «Первые услышанные мною слова были народные яркие слова, первые сказки - народные устные сказки, первая музыка, которую я услышал, - крестьянские песни, быть может, те самые песни, которыми был некогда вдохновлён великий русский композитор Глинка, родившийся и выросший в нашем смоленском краю», - вспоминал Иван Сергеевич.

В этих местах начиналось творчество известного поэта-песенника Михаила Исаковского, автора популярной «Катюши». Поэт родился в деревне Глотовка, но, как и многие из среднерусских небольших деревень, она оказалась в числе «неперспективных» и перестала существовать. Знаком памяти знаменитый земляк отмечен в соседнем посёлке Выходы. Здесь на средства поэта, получившего Государственную премию, построен Дом культуры. В нём большая библиотека, музей, на стендах - рассказы о творчестве поэта, его книги, пишущая машинка, старый патефон с пластинкой «Катюши».

На родину Михаил Васильевич часто приезжал с Александром Твардовским. С ними Соколов-Микитов познакомился на заре их творчества, поддерживал дружбу с земляками, навещал родные места. Всего в нескольких километрах от Выходов на берегу Угры расположена деревня Полднево, с которой связано творчество Ивана Сергеевича. Ныне здесь находится мемориальный Дом-музей писателя.

- Когда я разыскал дом, в котором были написаны лучшие произведения Ивана Сергеевича, он был в полуразрушенном состоянии, - рассказывает московский писатель Николай Старченко, главный редактор всероссийского детского журнала о природе «Муравейник». – Прежде в нём были сельсовет, почта, библиотека. Но в пору разрухи девяностых годов дом оказался брошенным. Доски с пола сняты, потолок разобран, выдранные окна смотрели пустыми глазницами. Опубликованная в российской парламентской газете моя статья о небрежном отношении к нашему культурному наследию возымела действие. С помощью администрации области дом был приведён в порядок. В 2007 году открыли музей И. С. Соколова-Микитова. К 120-летию со дня рождения писателя главное смоленское издательство «Маджента» / генеральный директор Елена Минина / и журнал «Смоленская дорога» /главный редактор Петр Привалов/ издали несколько книг прозы И. С. Соколова-Микитова. В честь него учредили Международную литературную премию. Она присуждается раз в два года за произведения о природе и экологии. Претенденты на звание лауреатов живут не только в России, Белоруссии, Украине, других странах СНГ, но и в Норвегии, Англии.

В 120-й день рождения писателя в Полднево съехались жители из многих уголков Смоленщины на литературный праздник. На нём впервые состоялось награждение лауреатов. Премии вручены Василию Пескову /Москва/, Николаю Старченко /Москва/, а также автору этих строк за очерки о природе Камчатки. В церемонии награждения участвовал внук писателя, ректор Московской консерватории, доктор искусствоведения Александр Сергеевич Соколов, в недавнем прошлом Министр культуры России.

На празднике было объявлено о масштабном издании серии книг /45 томов/ «Смоленская земля в памятниках русской словесности», посвящённых 1150-летию России /2012 г./ и Смоленска /2013г./. Они имеют не только всероссийское, но и международное значение. Среди книг - «Смоленщина от Бориса и Глеба», «Радзивилловская летопись», «Авраамиевская летопись», «Устное народное творчество», «1812 год». При поддержке предпринимателей книги поступают в библиотеки и школы области бесплатно.

Главный издатель на Камчатке, президент холдинговой компании «Новая книга» С. П. Кожан передал для Дома-музея Соколова-Микитова набор книг и фотоальбомов о Камчатке. Оказалось, Станислав Петрович выпускник Смоленского педагогического института /ныне университет/. Он окончил биолого-географический факультет. Свою работу на полуострове он начинал учителем в посёлке Кировск на побережье Охотского моря. А позже посвятил жизнь издательской работе и продвижением книг к читателям. Выяснилось, что в нашем краю работает много уроженцев Смоленщины. Самому Ивану Сергеевичу, много путешествовавшему по стране, не удалось побывать на Камчатке, но

то, о чём ярко, с юмором поведал он в небольшом рассказе «Камчатка», спустя годы получило реальное продолжение в жизни, только в других обстоятельствах.

В пятидесятые годы прошлого века на «материк» зачастили уполномоченные с Камчатки вербовать рабочих на сезонные рыбные промыслы. Уроженцев Смоленщины можно было встретить на рыбозаводах, в морском торговом порту, в рыбной науке. А вклад выпускников Смоленского педагогического института в становление школьного образования, в развитие культуры и подготовке местных кадров на полуострове трудно переоценить. В 1955 году сразу 17 выпускников этого института прибыли с западной области на восточную окраину России. Что любопытно – их встречали коллеги, двумя годами раньше прибывшие оттуда на полуостров. Молодые педагоги начинали работу в самых отдалённых посёлках, став со временем заслуженными учителями России, руководителями органов просвещения и культуры.

Многие годы возглавлял областное управление образования Л. П. Лельчук, а в девяностые годы он стал вице-губернатором области. Учителем в корякском посёлке Корф начинал трудовой путь Л. Я. Васильков, затем работал директором школы, заведующим лекторской группой в области. Защитив кандидатскую диссертацию, он продолжил педагогическую деятельность в московских вузах. Одним из старейших воспитателей кадров называют в педагогическом институте в Петропавловске /ныне университет имени Беринга/ преподавателя физики Л. А. Аксёнова. Звания «Почётный гражданин города Елизово» удостоен О. Н. Мамченков, почти сорок лет возглавлявший коллектив средней школы.

Вот так соединяются порой во времени и пространстве события жизни и литературы.

2. ОЧАРОВАННЫЙ КАМЧАТКОЙ

На протяжении более сорока лет в орбите внимания Василия Пескова, журналиста, писателя, телеведущего популярной программы «В мире животных, находилась Камчатка. Девять раз он прилетал в командировку на полуостров. Десятки очерков и репортажей опубликовал на страницах «Комсомольской правды» и в книгах. После первой поездки на полуостров была издана его книга «Край света». В телевизионных передачах он часто обращался к Камчатке, рассказывал о её природе, животном мире, людях. Пожалуй, только его родная Воронежская область по степени внимания может соперничать с нашим краем. Когда заходил разговор о том, какое место в нашей стране самое интересное, он всегда говорил: Камчатка!

Судьба подарила мне счастливую возможность бывать с ним в поездках по нашему краю, видеть его в работе, общаться на протяжении более сорока лет.

С Камчаткой Василий Песков впервые встретился в 1965 году после возвращения из командировки в Антарктиду. И с первых шагов был покорён необычной природой полуострова. «Собирался пробыть здесь недели две, а провёл семь недель. Ни одна из виданных земель не держала так властно. Я ходил по Камчатке очарованным новичком», - признавался он. А увидеть до этого он успел немало: побывал в командировках в различных местах земного шара – во Вьетнаме, в Африке, в Антарктиде, во многих районах нашей обширной страны.

После первого знакомства с Камчаткой он писал: «Год минул с того часа, когда я с рюкзаком, поднимаясь по лестнице в самолёт, последний раз взглянул на вулканы. И странное дело, весь год, казалось в самое неподходящее время, всплывают перед глазами белые остроконечные горы, вспоминаются до странного мелкие подробности путешествия...». Многочисленные подробности – результат глубоких личных впечатлений автора, жизни вместе с героями очерков.

Вспоминаю полёт на остров Беринга, в котором пришлось полной мерой узнать «прелести» камчатской погоды. Пять дней в аэропорту Петропавловска мы ждали вылета, а когда самолёт, сделав бросок над океаном, оказался над островом, совершить посадку не удалось из-за низкой облачности и тумана. Пилоты повернули на Усть-Камчатск. Лишь через двое суток мы ступили на землю в океане.

В посёлке Песков быстро нашёл общий язык с местными ребятами. Этот дар общения шёл у него с юности, когда на пороге своего трудового пути он работал в школе пионервожатым. А позже публиковал на страницах «Комсомольской правды» чудесные рассказы о мальчишках. До сих пор помнятся его новеллы «Снегири», «Трое в лодке» и многие другие, вошедшие в книгу «Шаги по росе», за которую он был удостоен в 1964 году Ленинской премии.

На острове Беринга мальчишки стали нашими провожатыми. «Завтра начало учебного года, а у нас учительница географии не прилетела с материка», - поделились они. Василий Михайлович сразу же ухватился за эти слова. «А можно я проведу у вас урок? – предложил он. В кругу ребятшек мы пошли к директору школы. Это был необычный урок. Семиклассники наперебой рассказывали неожиданному учителю о своём острове. Вместе выясняли, почему он носит имя командора Витуса Беринга, где таятся пушки, которые оставили мореходы после зимовки на острове. После уроков мальчишки показали, как передвигаются летом на собачьей упряжке по мокрой тундре /сейчас этот транспорт ушёл в прошлое/. Провели нас по морскому берегу, куда во время прилива волны выбрасывают много диковин - бутылки, ящики с иностранными надписями, бамбук, брёвна разбитых плотов, крабов, пластмассовые игрушки. Мы побывали в тундре,

на лежбищах морских котиков и сивучей, на катере сходили к небольшому островку Арий камень, где обитают морские птицы, с моряками катера ловили рыбу. Очерк так и назывался «Урок географии». Глазами ребятшек перед читателями предстали далёкие и своеобразные Командорские острова, открытые русскими мореходами в 1741 году. Острова, на которых поселились после их открытия люди и преданно полюбили туманную землю в океане.

В начале шестидесятых годов о Камчатке было известно немного - телевидение делало только первые шаги и не добиралось до окраин, а редкие публикации в центральной печати не отличались разнообразием тем и глубоким содержанием. Боясь застрять из-за непогоды на полуострове, столичные журналисты и писатели ограничивались Петропавловском да близлежащими сёлами. Василий Песков, пожалуй, первым приблизил далёкий полуостров к читателям страны, открыл удивительное разнообразие природы на «краю земли», рассказал о людях сильных духом и необычной судьбы. Это не был «отражённый свет» чужих наблюдений. Автор стремился всё увидеть своими глазами, почувствовать красоту и своеобразие различных природных зон полуострова. «Чтобы узнать землю, надо ходить пешком», - говорил он. И, не раздумывая, отправлялся в дальний путь с рюкзаком за плечами или на лодке. Обладая цепкой наблюдательностью и природным талантом, он впитывал краски, звуки, запахи земли и ярко, впечатляюще рассказывал об этом. Он сумел разглядеть в промысловом азарте сельдяной экспедиции в Беринговом море симптомы надвигающейся беды в использовании рыбных богатств. Очерки и репортажи он сопровождал прекрасными фотографиями, что позволяло читателям наглядно представить то или иное событие.

Василий Михайлович становился в буквальном смысле «землепроходцем». Расскажу на примере Долины гейзеров. Прошло всего 24 года со времени открытия кипящих фонтанов в горном районе Камчатки, где на сто километров вокруг нет жилья. В те годы сюда добирались единицы. Пилоты вертолета Ми-4 из-за сложности рельефа и капризной погоды высадили нас, троих, на горном плато в шести километрах от Долины. До заката солнца оставалось часа два. Быстро распределяем по рюкзакам груз – палатку, спальные мешки, продукты, одежду. Забрасываем тяжеленные рюкзаки за плечи. А у Пескова ещё и большая сумка с фотоаппаратурой. Идём по горным тропам вверх. На границе ночи вышли к обрыву, откуда начинался спуск в огромный провал в земле, где в каньоне извергались кипящие фонтаны. Прыгаем с камня на камень, порой скользим по не успевшим растаять за лето льдам. Василий Михайлович беспокоится о фотоаппаратуре, не повредить бы при падении на камнях. В опасных местах при спуске по ручью подстраховываем друг друга.

В Долину спустились, когда было уже темно. А рано утром – за работу. Целый день без обеда карабкаемся по глинистым склонам, боясь провалиться в подземные котлы, из которых внезапно вырываются фонтаны горячей воды и пара. «Кажется, сотворение мира здесь всё ещё продолжается», - восхищённо говорит Василий Михайлович. Он ищет выгодный ракурс для фотосъёмки, гоняет нас с Юрием Малюгой, руководителем камчатских туристов, для переднего плана. Делает записи в блокноте.

Времени у нас в обрез, нужно вернуться к назначенному сроку на горное плато – за нами должен залететь вертолёт. По ручью Водопадному карабкаемся по кручам вверх, к кромке обрыва, откуда спускались, Замечу: в июне 2007 года в этом месте произошёл обвал склона и грязекаменный поток накрыл ручей, по которому мы тогда шли, ряд гейзеров оказался навсегда погребённым под многометровой толщиной породы.

Вертолёт не пришел. Тучи накрыли горы. Пошёл дождь. «Нет погоды – нет вертолётки», - за шуткой, услышанной в корякской тундре, Василий Михайлович пытается скрыть озабоченность. Ему ещё надо побывать во многих местах на полуострове. А время уходит. Когда погода позволит залететь вертолёту – неизвестно.

- Сколько до ближайшего поселения? - спрашивает Песков.

- Около ста километров, - говорит Юрий Малюга, ходивший этим маршрутом.

- Идём пешком, - предлагает Василий Михайлович после недолгого раздумья.

Тяжёлую брезентовую палатку не берём, только спальные мешки. Мокрая тропа ведёт нас по крутым распадкам, через заросли кривых каменных берёз и густые, выше роста человека травы. Хлещет дождь. Но мы идём, согнувшись под рюкзаками, лишь на минутку останавливаемся порой сорвать и бросить в рот щепотку кислой рябины. Более тридцати километров прошагали мы с двух часов дня до девяти вечера. На пределе сил вышли к берегу Тихого океана. Оставалось переправиться вброд через реку Шумную - там, на берегу землянка для ночлега. Но когда подошли к реке – ужаснулись. Бурные потоки с бешеной скоростью мчались к грохочущему океану. На памяти людей река выносила неосторожных путников в океан. Переправу пришлось отложить до утра. Кое-как разожгли под дождём костерок, попили горячего чая и залезли в спальные мешки, растянув над головами плащ. Но уже минут через 15-20 холодные струйки воды побежали по телу – наши поролоновые спальные мешки промокли. Под грохот океана, дрожа от холода, коротали ночь. Утром с большим трудом переправились через бурную реку. И целый день до глубокой ночи брели вдоль гористого берега океана, преодолевая распадки, переправляясь через многочисленные речки и ручьи, обходя каменные преграды. Но только утром лодочник перевёз нас через Семячикский лиман. К обеду мы были в посёлке Жупаново, откуда на самолёте АН-2 добрались до Петропавловска. А уже на следующий

день Василий Михайлович улетел в долину реки Камчатки, к вулкану Шивелуч, на который вместе с вулканологами совершил восхождение к кратеру.

Перед читателями предстала многоликая Камчатка и люди, работающие в экстремальных условиях севера. Тундра с табунами оленей и пастухами – коряками, чукчами, эвенами. Берингово море, где моряки промышляли рыбу. Тихоокеанские лососи, идущие на нерест в реки и озёра и умирающие там, дав жизнь потомству. Долина гейзеров, куда в те годы добирались немногие из туристов. «Горелые сопки», как называли землепроходцы величественные и грозные вулканы. И учёные, исследующие закономерности проявлений опасных явлений природы.

Необычность природы часто таит опасность – легко сбиться на неумеренно восторженный лад, потерять чувство меры, пройти мимо менее ярких, но важных сторон жизни человека в северном краю. Очерки Василия Пескова читаешь с радостным чувством – мир природы и мир человека предстаёт в них в тесном взаимоотношении. «У камчатской природы тугие мускулы, с нею лицом к лицу встречаются только сильные», - подчёркивает автор. Эти слова мог написать человек, который проникся жизнью людей, работающих в далёком краю. Вот он с «оленим доктором» ветврачом Валентином Лазебным и пастухом- коряком на лошадях добирается в далёкий олений табун /очерк «Тундра». Мы видим тундру в осеннюю пору, когда земля словно выплескивает на поверхность тепло, накопленное за короткое северное лето. «Тишина в тундре. Сушатся на синем небе белые длинные облака-полотенца. Просвистели кулики-ягодники, пошевелили лёгкую вату травы-пушицы, и опять тихо. Жёлтая тундра. Сколько оттенков тёплого цвета! Лимонный ивняк бьёт по бокам лошади. Красноватыми жилками светятся ковры берёзок и голубицы. Ржавая гущина болотных зарослей. Тёмно-малиновые листья ползучих рябин. В тундре осень я бы называл летом. Комаров нет. Спать можно прямо под звёздами».

В пути «олений доктор» рассказывал: «Человека в тундре встретишь не часто. В прошлом году двести километров прошли – и ни следа. Встретил нечаянно радиста-геолога. Обнялись. Мне уходить, а он за рукав: «Подожди, неделю сижу без людей».

Точно подмеченные детали создают яркую картину жизни пастухов-оленеводов в тундре. «Ведём лошадей в поводу. С кочки на кочку, всё правее обходим болото, а ему и конца нет, а там вон дальше – сплошная вода. Передняя белая лошадь вдруг провалилась одной ногой, делает натужный рывок и ещё глубже увязает в трясине. Коряк-проводник растерянно глядит вперёд, назад... И тут я увидел бегущего Валентина. Он запустил руки в грязную жижу, отстегнул вьюки. Никогда не слышал у людей такого властного голоса. В руке у Валентина свистит верёвка. Но я думаю – именно голос заставил кобылу

шевелинуться, дёрнуться, заржать, заколотить ногами... Лошадь – на твёрдом месте, мелко дрожит и пьёт воду. А Валентин сидит на кочке, выливает из сапог воду, выжимает портянки, выжимает свитер». Таких экстремальных случаев в тундре - на каждом шагу. Читатель знакомится с кочевым бытом пастухов, с укладом жизни коряков и чукчей, с их традиционным Праздником оленя – животного, который даёт им всё для жизни.

Любознательность и выносливость награждаются многочисленными открытиями и встречами. Сплаваясь с чукчами на лодке по реке в посёлок Верхние Пахачи, он обнаруживает, что один из попутчиков – слепой. Чукча Иван Пинович Рультытегин в детстве потерял зрение, но сумел победить темноту и тундру. Очерк « Слепой поводырь» - это рассказ о силе человеческого духа, сродни рассказам Джека Лондона. «Мы, ничем не обделённые на пиру жизни, частенько хнычем, жалуемся. И в то же время живёт человек в тундре, Иван Пинович Рультытегин». Эти слова заставляют задуматься о собственной жизни.

Встретив необычных, сильных характером людей на полуострове, Песков интересно рассказал о них. Эти люди запоминаются благодаря точным характеристикам и выразительным деталям. Зоотехник Валентин Лазебный, которого очки делают похожим на старинного земского доктора. Вулканологи Николай Огородов и Михаил Попов /«Четверо на вулкане»/. Рязанский парень, тринадцатый сын у матери Василий Есин, ставший «камчадалом» /«Дым из трубы»/. Охотник-медвежатник из Ключей Степан Иванович Ушаков /«925-й медведь»/.

О чём бы ни писал автор - о примечательных местах полуострова или людях необычной судьбы, он не просто сообщает много интересных, важных подробностей, но подводит читателя к определённой мысли. В очерке «Речка Никулка» он рассказал об удивительном и одновременно трагическом зрелище – ходе на нерест лососей. Выметав икру, дав жизнь потомству, рыба умирает. Что это, ошибка природы? «Наверное, нет. Умершая рыба – это фосфор, это белок, на котором Никулка вырастит питание для мальков. Можно сказать, лососи и умирая, служат потомству», - делает вывод автор. Однажды в разговоре Василий Михайлович признался, что к такому выводу он пришёл сам. И только позже прочёл объяснения учёных: гибель лососей после нереста запрограммирована в генетическом коде, чтобы создать условия для питания и развития подрастающего поколения в реках и озёрах.

Рассказывая о промысле сельди в Беринговом море /«Лёгкая рыба»/, он убедительно доказал, что большая концентрация здесь промысловых судов со всего Дальневосточного бассейна, погоня за высокими уловами чревата подрывом стад сельди в Олюторском заливе. Песков первым среди «пишущей братии» разглядел признаки надвигающейся

беды и забил об этом тревогу. Будущее подтвердило правильность выводов журналиста. Министерство рыбного хозяйства страны после публикации очерка признала критику справедливой, но промысел был свёрнут в этом районе только в 1968 году. Корфокарагинское стадо сельди оказалось в депрессивном состоянии на многие годы. «Хозяйствовать, а не брать у природы, зажав глаза!» - эта мысль автора и сейчас остаётся актуальной.

Очерки после первого путешествия на Камчатку составили книгу «Край света», вышедшую из печати в начале 1968 года. Он сразу же прислал её мне с дорогой для меня надписью: «Моему советчику и доброму спутнику в этом путешествии. С искренним чувством любви и благодарности. 29 февраля 1968 года».

Книга произвела большое впечатление на читателей.

«Прочитав очерки Василия Пескова о Камчатке, меня потянуло в далёкий край. – рассказывает Валерий Кравченко, выпускник Харьковской консерватории, преподаватель музыкального училища. И вот уже сорок пять лет он живёт в Петропавловске, объездил с концертами весь полуостров. Валерий стал заслуженным артистом России, издал несколько книг о работниках культуры. Он член Союза писателей России, почётный гражданин Петропавловска.

Тысячам читателей помогли выбрать место в жизни, стать лучше очерки и книги Василия Пескова. Такова магия воздействия его публикаций.

Оценивая книгу «Край света», критик Юрий Апенченко в статье «Писатель в газете», опубликованной в «Правде», писал: «Многие страницы Пескова написаны с безукоризненной точностью, то есть средства языка с наибольшей полнотой служат выражению мысли автора. Лишних слов нет, как и лишних знаков препинания». И добавлял: многие его публикации «без единого изменения можно включать в книгу, по которой дети учатся читать, - в «Родную речь». Для многих самых крупных литераторов этот признак служил высокой похвалой».

После первой командировки на Камчатку Василий Михайлович постоянно интересовался жизнью на полуострове, часто звонил. Спрашивал, нужна ли какая-либо помощь, присылал то дефицитные лекарства, то цветные фотоплёнки, которые трудно было раздобыть. Быстро откликался на различные события и при первой возможности с радостью прилетал на Камчатку, чтобы в очередной раз рассказать о том, что представляло интерес для читателей.

В 1975 году во время извержения вулкана Толбачик я позвонил ему и через сутки он был уже здесь. Знакомые авиаторы помогли нам быстро добраться в район прорыва огненных недр. Лавовый поток наступал на лагерь вулканологов. Василий Михайлович

сразу же подключился к эвакуации лагеря – помогал вулканологам перетаскивать деревянные каркасы палаток, ящики с оборудованием, бидоны с водой. Он был не созерцателем, а участником события. Вместе с учёными шёл к огнедышащему вулкану, расспрашивал о подробностях извержения, много фотографировал. Но ему было мало дня. На ночь мы уходили к подножью вулкана. Огненные куски лавы вылетали из кратера и шлёпали недалеко от нас. «Глядя на такую мощь, не скажешь, что человек – царь природы. Понаблюдай, чтобы какой-нибудь камень не угодил, я сделаю записи в блокноте», - сказал он. Очерк «Чаепитие у Толбачика» был написан с такой силой выразительности, что читатель становится очевидцем величественного и грозного явления.

Василий Песков был одним из первых журналистов, кто приоткрыл форточку в занавесе для сближения с миром. Сначала это была книга «Земля за океаном» о путешествии по Америке, написанная им вместе с Борисом Стрельниковым. А затем книга об Аляске /«Аляска больше, чем вы думаете»/, история которой начиналась с Камчатки. Читатели найдут в книге очерки о русских мореходах, исследователях, о следах пребывания там русских поселенцев. Мне посчастливилось вместе с ним издать книгу «Русский след» - о первопроходцах и мореходах Камчатки и Аляски.

В 1990 году Василий Михайлович возглавил советско-американскую экспедицию на Камчатке. На нём лежал огромный груз ответственности. Нужно было согласовать маршруты, всё предусмотреть, обо всём позаботиться. Я поражаюсь его энергии и работоспособности. Ни одного часа он не сидел без дела. Это было первое знакомство американских телевизионщиков с нашим полуостровом. Участники экспедиции совершили сплав по рекам на каноэ и батах, поднялись к кратеру Авачинского вулкана, побывали в Кроноцком заповеднике, в коряжской тундре, беседовали с оленеводами и рыбаками, охотниками и вулканологами, лесниками и инспекторами охраны природы, студентами и школьниками. На Чукотке, откуда американцы улетали домой, погода на неделю задержала их вылет. Проводив участников экспедиции, Василий Песков утомлённый вернулся на Камчатку, чтобы побывать на праздновании 250-летия Петропавловска. Единственный день за полтора месяца он позволил себе отдохнуть. И снова был в делах и заботах - встречался с людьми, беседовал, фотографировал.

Фильм о Камчатке был показан по образовательному каналу американского телевидения, где в передачах, похожих на «Клуб путешественников», рассказывается о разных интересных точках и районах земного шара. Американские телезрители впервые имели возможность познакомиться с Камчаткой, удовлетворить интерес и туристический, и деловой.

В 1995-м и в последующие годы влюблённый в наш край журналист и писатель продолжал знакомить читателей с полуостровом. Он оперативно откликнулся на гибель сотрудника Кроноцкого заповедника Виталия Николаенко, исследовавшего жизнь медведей, опубликовав о нём очерк «С медведем – лицом к лицу» /«Комсомольская правда» 6 января 2004 г./.

При встречах в Москве Василий Михайлович приглашал меня в воскресные походы по лесным подмосковным маршрутам. По пути он заходил к знакомым сельским жителям, обменивался новостями. Показывал дом, в котором жил старик и ослик – герои его очерка «Про деда Михаила, мальчика Мишу и ослика Мишку». Этим рассказом очень восторгалась старейшая писательница Мариэтта Шагинян.

Воскресные маршруты Василия Михайловича по лесу составляли километров двадцать. «Урожай» наблюдений, собранный в хождениях с рюкзаком по земле, становился достоянием читателей в его знаменитом «Окне в природу».

Однажды он рассказал о звонке Александра Солженицына. «Это правда, что у вас нет телевизора», - спросил он. Услышав утвердительный ответ, Александр Исаевич сказал: «У меня тоже нет». Телевизор Василий Михайлович принципиально не держал дома. «Ещё в молодости я сообразил, что «ящик» будет забирать много времени, отвлекать от более важных дел, например, от чтения книг, - признавался он. - У меня ведь только десять классов. И я пополнял знания самообразованием, много читал».

Те, кто знал Василия Михайловича, могли убедиться в его широком кругозоре. Он на равных беседовал с биологами и экологами, историками и писателями, с людьми разных профессий. Ему первому среди журналистов было доверено вести репортажи с космодрома Байконур о полётах первых космонавтов. Его беседы с маршалами Жуковым и Василевским, писателем Константином Симоновым являются образцами журналистского мастерства. На счету Василия Пескова - около сорока изданных книг, среди которых семь томов «Окно в природу». Многие из книг переведены на иностранные языки.

Последняя поездка Василия Михайловича на Камчатку состоялась в 2006 году. Перед отъездом он подарил мне фотоаппарат «Никон», служивший ему более четверти века. «Один фотоаппарат отдал в музей «Комсомолки», а этот – тебе на память о наших странствиях по любимой мной Камчатке», - сказал он. Серия очерков об этом путешествии публиковалась на страницах «Комсомольской правды» еженедельно с ноября 2006-го по март 2007 года.

«От моржей, китов и медведей до чудесного, неприметного, нежного телом тритона – таков диапазон жизни на полуострове, омываемом океаном,- отмечал он. –

Жизнь эта по меркам лет, исчисляемых сотнями миллионов, молода и, надо это хорошо понимать, хрупка. Сообщество многих живых существ легко погубить невиданным раньше натиском человека. На Камчатке для крайнего её обеднения довольно истощения рыбных богатств. Если порушить эту «несущую конструкцию» всего храма здешней природы, полуостров в пустыню, конечно, не превратится, но это будет означать конец экономики края и деградацию всего живого, что пока ещё радует человека».

Очерки и статьи Василия Пескова - это не только «уроки географии». Они были и остаются подлинными уроками любви к Отечеству, его истории и культуре, окружающему миру природы. Василий Михайлович учил понимать красоту и законы природы, умению жить в согласии с ними, разумно распоряжаться ресурсами земли. В разговорах он неоднократно подчёркивал: «Бессмертие – в делах человека, его поступках здесь, на земле». Василий Песков ушёл из жизни 12 августа 2013 года на 84-м году жизни. Он был мудрым, прозорливым и щедрым человеком. Его шаги по земле оставили добрый и яркий след в сердцах людей. Вечная ему слава!

3. ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Мир тесен – вспоминаю я поговорку, встречаясь с другом, уроженцем «сухопутной» Смоленщины, на многие годы связавшего свою жизнь с дальневосточными морями. Кандидат биологических наук Александр Сергеевич Николаев почти 40 лет отдал работе в научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии /ныне КамчатНИРО/. Он исследовал лососей в морях Тихоокеанского бассейна и озёрах Камчатки. О своей работе, необычных встречах с морскими животными он написал интересную научно-популярную книгу «Чудо каждого дня», изданную в Петропавловске в 1995 году. Сейчас 77-летний Александр Сергеевич на пенсии, живёт в своём родном городе Гжатске-Гагарине. Но не теряет связей с Камчаткой, признаётся, что скучает по ней.

Во время встреч мы вспоминаем общих знакомых, дорогие сердцу места. И поражаемся, как в жизни всё переплетено, о чём порой мы даже не догадываемся. Но стоит только потянуть за ниточку какого-то события - и начинает разматываться клубок воспоминаний, обнажающий глубинные связи.

Однажды зашёл разговор о памятнике «Твардовский и Тёркин», установленном в Смоленске в 2005 году. Автор этого памятника – народный художник России Альберт Георгиевич Сергеев. Оказалось, родной брат скульптора Гальберт Георгиевич, давний друг Николаева, в шестидесятые годы прошлого столетия жил в Петропавловске. После

окончания Московского инженерно-строительного института он работал в Камчатморгидрострое.

- Под его началом возведены много зданий и жилых домов, бывшее кафе «Юность» на ул. Советской, ЛЭП на сопке Петровской», - сказал Александр Николаев. – Прожил он на Камчатке лет 5-6. Интереснейший человек. Типичный русак, похож на былинного Садко. Сейчас он живёт в Смоленске. При встречах рассказывает, каким увлеченным был брат, к сожалению, ушедший из жизни. Поведал много интересного об истории создания памятника, о том, кто послужил скульптору прообразом Василия Тёркина.

Скульптор Альберт Сергеев является и автором мемориальной доски с барельефом Александра Твардовского, которая установлена на здании железнодорожного вокзала в городе Починок - на родине поэта. В памяти сразу же вспомнилось четверостишие: «И ещё доволен я, - / Пусть смешна причина, - / Что на свете есть моя /Станция Починок/.

Починок – это слово обозначает начало освоения земли, когда крестьяне «починали» впервые вспахивать пустоши. Так в начале 19 века в здешних местах было заложено новое поселение. В 1868 году, когда сквозь леса и болота проложили железную дорогу, в 55 километрах от Смоленска выросла станция Починок. Недалеко от неё в неухоженных местах возник хутор Загорье, в котором родился Александр Твардовский. В годы коллективизации семья поэта была объявлена кулацкой и выселена на Урал.

В сентябре 1943 года фронтовой корреспондент Твардовский вошёл в свои родные места вместе с частями Красной армии, освободившей их от немецких оккупантов. «Ни одной приметы того клочка земли, который, закрыв глаза, могу представить себе весь до пятнышка и с которым связано всё лучшее, что есть во мне», - вспоминал он.

Спустя почти полвека земляки возродили родовое гнездо великого поэта России, создали здесь мемориальный музей.

Название Починки хорошо помнится мне с детства. Оно часто упоминалось в нашей семье. 25 сентября 1943 года был освобожден Смоленск от немецко-фашистских захватчиков, а через два дня – наша белорусская деревня на самой границе со Смоленщиной. В 40-45 километрах от нас в Починках располагалась воинская часть, в которую в 1943 году был зачислен мой отец. В 1941 году он попал в плен под Новгород-Северским Черниговской области. Осенней ночью, во время проливного дождя, отец и двое его земляков, разрезав колючую проволоку, совершили побег из лагеря. С травмированной ногой ему удалось пройти по оккупированной территории более двухсот километров и добраться в родную деревню. Рана время от времени открывалась. Это спасло его от немцев. При отступлении они даже не решились заночевать в нашей избе, увидев распухшую, кровоточащую ногу отца, лежавшего на кровати.

Когда наши войска освободили деревню, отца в госпитале подлечили. И отправили в Починок, где проходило пополнение воинской части.

Сестра Зина рассказывала, как она в четырнадцатилетнем возрасте в холодные дни ноября с двумя спутницами пошла пешком за сорок километров в Починки, чтобы встретиться с отцом. Но опоздала. Дежурный в военкомате сказал: часть уже отправили на фронт.

Слово Починки вновь появилось на слуху после войны. И связано оно было с поэмой Александра Твардовского «Василий Тёркин». Герой поэмы стал популярным не только среди воинов. Его полюбили буквально все.

Я помню, как года через три после войны, будучи школьником, читал поэму «Василий Тёркин» женщинам, собиравшимся вечером на посиделки в нашу избу, чудом уцелевшую после немецкой бомбёжки. Женщины пряли, вязали, вышивали, а я, мальчишка, у коптилки, сделанной из гильзы от снаряда, читал им взятую в школьной библиотеке «Книгу про бойца» / так было сказано в подзаголовке/. Чтение продолжалось вечеров пять. Помню, с каким замиранием слушали женщины главу «Гармонь» и стихи о солдатских плясках на морозе. «И пошёл, пошёл работать, /Наступая и грозя,/ Да как выдумает что-то, /Что и высказать нельзя./ Словно в праздник на вечёрке / Половицы гнёт в избе, /Прибаутки, поговорки, /Сыплет под ноги себе. /Подаёт за штукой штуку: /-Эх, жаль, что нету стуку, / Эх, друг, /Кабы стук,/ Кабы вдруг - / Мощёный круг! / Кабы валенки отбросить, /Подковаться на каблук, /Припечатать так, чтоб сразу/ Каблуку тому – каюк!/ А гармонь зовёт куда-то/ Далеко, легко ведёт...»

Одна из слушавших женщин, смахнув слезу, сказала: «Как хорошо! Как будто у нас на танцах побывал. Герой-то Василий Тёркин – наш сосед, родом смоленский».

-Так и автор поэмы Александр Твардовский тоже смоленский, из Починковского района, - заметила учительница. И все возбуждённо заговорили о герое поэмы, о жизни в годы войны.

- Может, и в нашей хате останавливался этот писатель, - вступила в разговор мать.- Помню, какие-то корреспонденты ночевали однажды. Расспрашивали всё про нашу жизнь. Вон сколько совпадений в книжке.

И стала приводить примеры: «Отец наш сбежал из плена. И в книжке вот написано... Найди-ка слова эти. Вот-вот: «Поле шёл, лесною кромкой, избегая лишних глаз...». И дальше: «Шёл он серый, бородатый, /И, цепляясь за порог,/ Заходил в любую хату,/ Словно чем-то виноватый / Перед ней. А что он мог!» А потом, когда отец лежал с больной ногой в медсанбате... Читай, что там написано? И внимательно слушала строки из письма Тёркина друзьям: «И хотя натёр бока, / Налезался лежнем,/ Говорят, зато нога/

Будет лучше прежней./ И намерен я опять , /Вскоре без подмоги, / Той ногой траву топтать, /Встав на обе ноги.../.

И еще вспоминала мать, как однажды во время переключки солдат она услышала фамилию отца. И побежала выяснять. Оказалось, фамилия и имя совпадали, но это был другой человек. «Вот и в книге похоже написано: «Фамилия Тёркин, только не Василий, а Иван!». Матери хотелось верить, что поэт останавливался во время войны в нашей хате и слышал её рассказы об отце. Я пытался переубедить. «Откуда же столько совпадений», - не сдавалась она.

Судьба отца не была известна 65 лет - в извещении сообщалось, что он «пропал без вести». И только в 2009 году в архивных материалах, опубликованных в интернете Министерством обороны, была обнаружена медицинская карточка военно-полевого госпиталя с фамилией и адресом отца. В ней было помечено: 757 сп /стрелковый полк/; телефонист, проникающее ранение черепа 26 декабря 1943 г., умер 3 января 1944 года. Указывалось и место захоронения – деревня Альховик Витебской области. Жители рассказывали мне, что здесь была линия фронта, немцы каждый день вели артобстрелы, а самолёты бомбили расположения наших войск. Погибшие здесь были перезахоронены после войны в братской могиле в д. Адаменки на окраине районного центра Лиозно. От нашей деревни это всего километров 80-90. Но списки погибших долгие годы лежали в архивах.

С героем поэмы Твардовского я встретился во время учёбы в университете в Киеве. На экзамене по русской литературе мне достался билет с вопросом: «Образ Василия Тёркина». Принимавшая экзамен преподаватель литературы, дочь легендарного героя гражданской война Г. И. Котовского задала мне дополнительный вопрос: «Как автор поэмы достигает обобщений в образе Тёркина?» Мне легко было отвечать на этот вопрос. Потому что поэма была хорошо знакома и любима.

Фронтной корреспондент Александр Твардовский шагал с героем своей поэмы с первых дней войны. Как образ фельетонного героя он появился на страницах военных газет ещё в период финской кампании. Но с 1941 года, как свидетельствует сам поэт, Вася Тёркин превратился в Василия Тёркина, воплотившего характер русского человека и воина в годы наивысших испытаний страны. Мужество и самопожертвование , трудолюбие и дисциплина, юмор и веселье, простодушие и лукавство – эти черты герой поэмы проявляет в самых разных обстоятельствах. Он и часы починит, и пилу наладит. Он и плотник, и печник, и строитель – мастер на все руки. И всё у него получается «так-то ладно, так-то складно». Но он не сверхчеловек и не сказочный герой, а обыкновенный парень. Такой «в каждой роте есть всегда, да и в каждом взводе». «То серьёзный, то

потешный, /Нипочём что дождь, что снег, - /В бой, вперёд, в огонь крошечный /Он идёт, святой и грешный, /Русский чудо-человек».

В период опасности, нависшей над Отечеством, у народа проявилось великое чувство ответственности и сплочённости. «Грянул год, пришёл черёд, /Нынче мы в ответе, /За Россию, за народ, /И за всё на свете. /От Ивана до Фомы, /Мёртвые ль, живые, /Все мы вместе, - это мы, / Тот народ, Россия».

Поэма Александра Твардовского стала символом эпохи, а её герой Василий Тёркин - любимым героем людей разных убеждений и воззрений.

Журналист Василий Песков, ссылаясь на воспоминания писателя Николая Тихонова, пишет, как Твардовскому присуждали Главную премию страны. Сталин, сам читавший все произведения, отобранные на конкурс, сказал: «А нельзя ли присудить премию товарищу Твардовскому? В журнале «Красноармеец» я прочёл его поэму «Василий Тёркин». Мне кажется, она достойна премии...» Все заволновались. «Товарищ Сталин, это действительно очень сильное произведение. Но оно еще не окончено...» Сталин сел и закурил трубку, сказав только одно слово: «Жаль». А перед голосованием опять взял слово: «А нельзя ли присудить премию за неоконченную поэму?» Мы все поднялись и стали аплодировать». В 1946 году поэма была удостоена Государственной премии первой степени. К этому времени она была уже завершена. В том же году вышли четыре издания в окончательной редакции.

Поэму «Василий Тёркин» очень высоко оценил лауреат Нобелевской премии Иван Бунин, живший в эмиграции Париже. Он писал: «Какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём... ни единого фальшивого... слова».

Константин Симонов, отвечая на вопрос, что лучшего о войне появилось в нашей литературе, сказал: «Тут долго думать не надо. Конечно, это «Василий Тёркин» Твардовского».

К образу Василия Тёркина, пытаясь раскрыть его глубину, проявляли интерес многие литературоведы, артисты, художники. Над этой темой начинали работать известные скульпторы. Но добиться полного соответствия литературному образу, созданному Твардовским, не удавалось. Подступал к этой теме и Альберт Сергеев ещё в студенческие годы в Ленинграде, но тогда ему не хватало опыта.

«Талант к рисованию, унаследованный от предков, проявлялся у Альберта с детства, - вспоминает его брат Гальберт Георгиевич. – Даже тяготы войны не могли оторвать его от карандаша и блокнота. В траншеях он рисовал своих однополчан. Война, а затем служба в армии составили семь лет. В армии его увлечение было замечено, он был назначен художником. После армии и учёбы в Ленинграде Альберт Сергеев успешно

работал над военной тематикой. Он создал памятник «Скорбящая мать», посвящённый русским патриотам, расстрелянным оккупантами. На Покровской горе в Смоленске возвышается его работы обелиск в честь мужественных защитников города в тяжёлом 1941 году. Затем Сергеёву было поручено выполнить для Ельни памятник четырёх гвардейским дивизиям».

В августе 1941 года под Ельней впервые была одержана победа над фашистами – ликвидирован выступ фронта в направлении Москвы. Операцией руководил Г.К.Жуков, возглавив Резервный фронт в верховьях Днепра. Приказом народного комиссара обороны СССР особо отличившиеся в боях дивизии 100, 127, 107 и 120-я были поименованы гвардейскими. Так родилась советская гвардия.

Гальберт Георгиевич вспоминает, что в работе над памятником гвардейцам брат столкнулся с трудностью. Требовался поворотный круг для обеспечения во время лепки кругового обзора четырёх фигурной композиции. Пришлось ему, строителю, помогать. «Я разработал проект поворотного круга, а слесари и сварщики выполнили работу во внеурочное время. Альберт облегчённо вздохнул. Обелиск был выполнен в срок. И теперь он возвышается в центре Ельни, напоминая о событиях лета и осени 1941 года».

С образом Василия Тёркина Альберт Сергеёв не расставался со студенческих лет. Однако нужного решения долго не находилось.

«При очередной встрече с братом мы снова коснулись волнующей его темы. Я предложил на некоторое время сменить обстановку. Поехали в деревню к знакомому охотнику. Охота нас не очень занимала, бродили по березовым рощам и вели отвлечённые разговоры. Собеседник у нас оказался колоритный. Звали его Иван. Он способен был переговорить любого. Бесконечные рассказы с юмором и различными байками. Лукавый взгляд, шутки, охотничьи приключения... Неожиданно Альберт предложил Ивану позировать для портрета Тёркина. Иван согласился. Приезжал в мастерскую скульптора. Было выполнено несколько портретов. Они экспонировались на различных выставках. Затем была создана композиция «Земляки». Работы понравились зрителям.

Альберт считал необходимым соединить в единой скульптурной композиции автора поэмы и литературного героя. Со временем появилось решение - изобразить их вместе. Памятник «Твардовский и Тёркин» был открыт 2 мая 2005 года в Смоленске к 60-летию Победы. Мы видим, как душевно беседуют друг с другом поэт и солдат. У Твардовского накинуто на плечи шинель. В руках планшет. А рядом солдат. Глаз с прищуром. Добродушная улыбка. Гармонь на коленях. В руке самокрутка. Неторопливо, с шутками и прибаутками ведёт он о чём-то рассказ. Почти как в главе «Два солдата» из поэмы: «И

сидят они по - братски, /За столом, плечо в плечо./ Разговор ведут солдатский, /Дружно спорят, горячо».

Я попросил Александра Николаева подробнее узнать у своего друга о человеке, послужившем прообразом Тёркина в скульптурной композиции. Гальберт Георгиевич Сергеев сообщил: «Иван /фамилии его, к сожалению, не помню/, работал в посёлке Духовщина водителем в Сельхозтехнике. Его мать расстреляли немцы как связную партизанского отряда. Отца звали Яков, он жил один в деревне Овчинники Духовщинского района. Иван часто навещал отца, да и мы с братом, когда приезжали на охоту. Иван был в любой компании балагур и рассказчик, с хитрецей в глазах, что отражалось в его облике. Эти черты и запечатлены в образе Василия Тёркина».

Незримыми нитями объединяет нас, вызывая разнообразные воспоминания, ассоциации, размышления, Василий Тёркин, прочно вошедший в нашу жизнь со страниц поэмы Александра Твардовского и запечатлённый в скульптурной композиции Альберта Сергеева «Твардовский и Тёркин».

На снимках:

Хутор Загорье. Мемориальный музей А. Т. Твардовского.

Починок. Мемориальная доска с барельефом А. Т. Твардовского на здании железнодорожного вокзала. Скульптор А. Г. Сергеев.

Фото А. Жигунова и В. Крымчака.

Смоленск. Памятник «Твардовский и Тёркин». Скульптор А. Г. Сергеев.

На снимках: Василий Песков в Долине гейзеров. 1965 г. Фото М. Жилина.

Тихий океан. К острову Старичков. 2006 г. Фото М. Жилина.

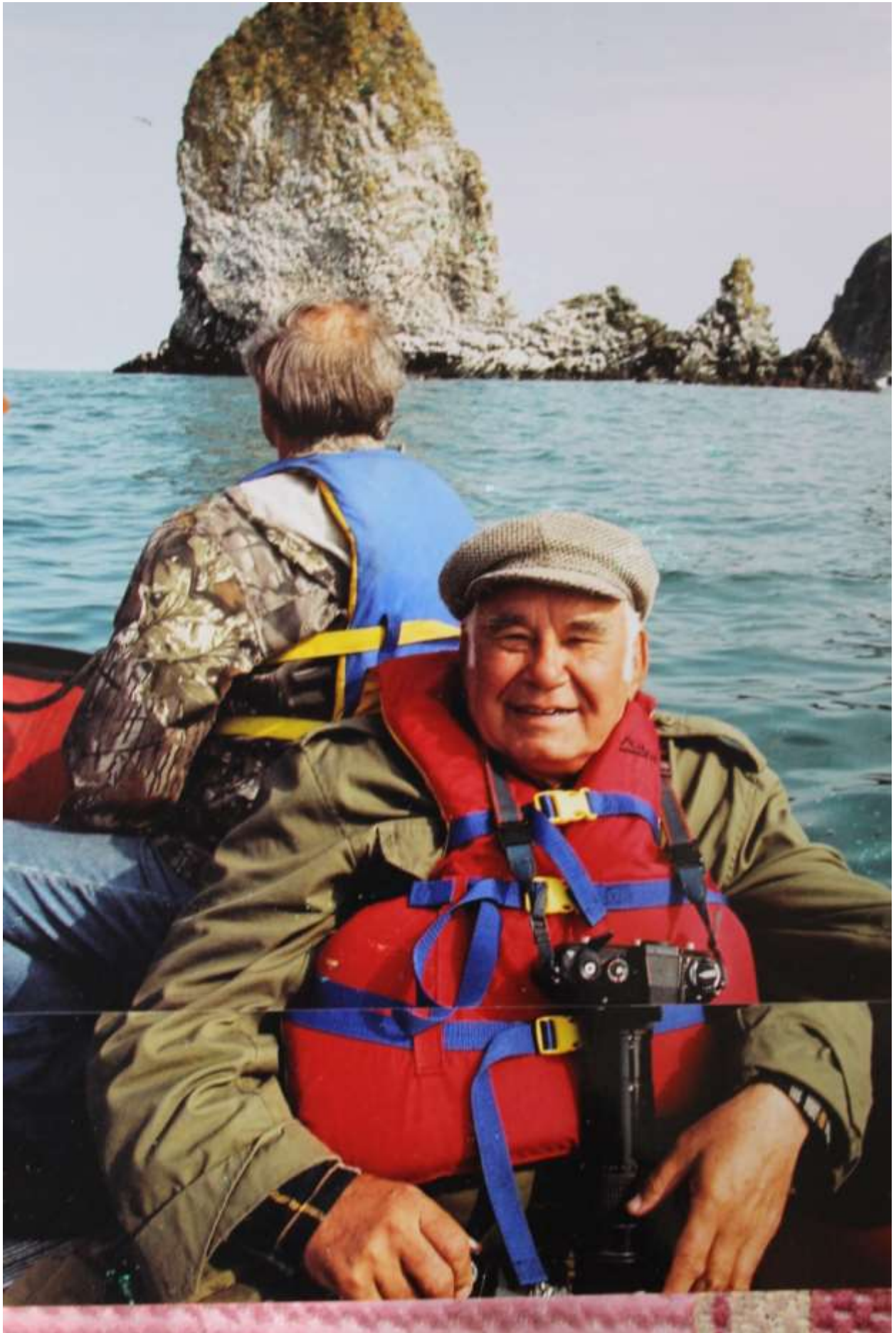
Внук писателя А. С. Соколов поздравляет с присуждением премии.

Лауреаты международной литературной премии имени Соколова-Микитова М. Жилин, В. Песков, Н. Старченко и директор издательства Е. Минина.

«Твардовский и Тёркин». Скульптор А. Г. Сергеев.

ОН ШЁЛ НАВСТРЕЧУ НЕИЗВЕСТНОМУ

(К столетию со дня рождения учёного-гидробиолога и краеведа И. И. Куренкова /1915 – 1989/).

Что означает слово Крокур – название маленького озера в воронке, образованной при вулканическом взрыве?

Я задавал этот вопрос знакомым краеведам и знатокам топонимики и их рассуждения шли по привычному пути сопоставления имени озера с названием территории, на которой оно расположено.

А расположено озеро в Кроноках, вблизи Кроноцкого озера, у Кроноцкой реки. Следовательно, говорили краеведы, первая часть слова происходит от старинного ительменского названия Крода-кыг («кро» - лиственница, «кыг» - река). Ну, а вторая часть названия, наверняка, связана с вулканами, вершины которых время от времени курятся.

Я и сам так думал, когда впервые побывал на этом озере. И только позже узнал от учёных КамчатНИРО: название Крокур состоит из первых частей фамилий двух известных камчатских исследователей КРОхина Евгения Михайловича и КУРенкова Игоря Ивановича /1/.

С Камчаткой Игорь Иванович связал свою судьбу в 1950 году, будучи уже зрелым человеком. За его плечами был ихтиологический факультет Мосрыбвтуза, курсы Высшего

военного гидрометеорологического института и годы Великой Отечественной войны, учёба в аспирантуре и успешная защита кандидатской диссертации. Выбору Камчатки способствовали два обстоятельства. Ещё во время студенческой практики на озере Ханка в Приморье его романтическую душу покорила необычная природа дальневосточной земли, а участие в экспедиции на научно-исследовательском судне «Витязь» в Японском море укрепило стремление связать свою жизнь с далёким краем, где открывался широкий простор для исследований.

Изучение внутренних водоёмов - рыб и кормовой базы, определяющей воспроизводство лососей, стало главным направлением в его работе. Особенно привлекали озёра, которые были не исследованы или мало исследованы из-за труднодоступности. Романтик в душе, он шёл навстречу неизвестности. На лошадях и собачьей упряжке, на лодках и пешком с рюкзаком за плечами он добирался в отдалённые места. В 1951 году он стал первопроходцем в исследовании озера Двухюрточного – одного из крупнейших нерестилищ нерки /2/. Расположенное в предгорьях Срединного хребта, оно недоступно водным путём и труднодостижимо по суше. В поход Игорь Иванович отправился с жителем тогдашнего села Еловки К.А.Поповым. «Выехав из Еловки на лошадях, мы по тропе добрались до р. Двухюрточной и вдоль неё поднялись до истока из озера. Последние 5-7 км пути оказались очень трудны. Холмы и гряды, образованные мореной, подходят к самому урезу воды в реке, образуя непропуски. Возвышенности густо поросли кедровым стланцем, препятствующим продвижению на лошадях. Некоторое время мы пытались пробираться по узкой галечной полосе вдоль берега, переезжая с берега на берег, но стремительное течение и крупные валуны, по которым бежит вспененная река, делают переправу очень трудной, лошади скользят на камнях и падают в воду. Пришлось подняться на левый берег и продвигаться там, прорубаясь через полосы кедрача», - пишет И. И. Куренков.

«Река Двухюрточная, в бассейне которой находится озеро, по численности красной, заходящей в неё на нерест, может считаться одной из самых богатых рек в бассейне р. Камчатки, - сделал он заключение. - Нет сомнения, что для молоди красной, вышедшей не только из озёрных, но и, в значительной мере, речных нерестилищ, озеро с его весьма богатым кормовым планктоном служит отличным выростным водоёмом». «С резиновой надувной лодки был сделан разрез по большой оси озера. Были взяты пробы планктона, бентоса и воды на гидрохимический анализ». В озере были отмечены гольцы и колюшка, в истоках реки – микижа, а позже (по наблюдению А.Остроумова) – чавыча.

Игорь Иванович сделал географическое описание озера и реки. «Морена, а также крупные валуны не оставляют сомнения в ледниковом происхождении озера», - пишет он.

Расположено озеро на высоте 171 м над уровнем моря. На одном из северных склонов долины реки обнаружен горячий источник с температурой около 50 градусов, представляющий собой слабое проточное озерко 10 м в диаметре, глубиной 0,5 м.

Так сложились обстоятельства, что с бассейном реки Камчатки Игорь Иванович познакомился в первый год приезда на полуостров. Здесь ему пришлось заняться неожиданной для него проблемой. В реке Камчатка отмечалась тенденция к сокращению численности нерки. Виновником этого посчитали карасей, переселённых в бассейн реки в 1930 году из Приморья. Дескать, караси, расплодившись, стали конкурентами нерки, истребляя её мальков в водоёмах. Молодому специалисту, у которого кандидатская диссертация была посвящена биологии речных раков, а морская экспедиция на «Витязе» - исследованию планктона, поручили заняться проблемой, далёкой от его предыдущих занятий. Игорь Иванович со свойственной ему дотошностью окунулся в изучение неожиданной проблемы. Он разыскал одного из старейших исследователей тихоокеанских лососей И. И. Кузнецова, который в 1930 году проводил акклиматизацию карасей в водоёмах полуострова /3/. К тому времени учёный по состоянию здоровья переехал жить в Белгород-Днестровский. Из переписки с ним выяснилось: переселение карасей проводилось по рекомендации ихтиологов, при тщательном изучении рыб аборигенов и новосёлов. Когда в уловах стали появляться первые экземпляры карасей, жители посчитали их «поганой рыбой». Но в конце сороковых- начале пятидесятих годов карась стал не только важной пищей местного населения, но и заменил собой лососей для кормления ездовых собак.

Исследования подтвердили: у карася и нерки разные корма и разные места нагула, их экологические ниши не соприкасаются /4/. Новосёл камчатских вод был реабилитирован. Более того, было отмечено: условия в некоторых водоёмах полуострова позволяют акклиматизировать в них ряд пресноводных рыб. Статья И. И. Куренкова «Характеристика гидрологического режима внутренних водоёмов Камчатки в связи с возможностью их зарыбления» /1958/ послужила основой для обогащения их новыми видами рыб. Что и было сделано во второй половине пятидесятих годов. В бассейн реки Камчатки были завезены амурский сазан (1955) и обская стерлядь (1957-1960), продолжены работы по заселению озёр карасём.

Летом 1961 года в бассейне р. Облуковиной в одном из пойменных озёр была обнаружена неизвестная рыба. И.И. Куренков и его коллега по институту А.Г. Остроумов определили: это ряпушка из рода сигов. В литературе не было никаких сведений о нахождении такой рыбы не только на Камчатке, но и вообще в бассейне всего Охотского моря. Авторы, описавшие находку, выделили её в подвид сибирской ряпушки. Какими

путями проникла она на Охотское побережье, неизвестно. Находка нового вида подтолкнула к сбору материалов о пресноводных рыбах на полуострове. В обстоятельной сводке Игорь Иванович обобщил данные о распространении на полуострове пресноводной фауны/5/. В статье «Зоогеография пресноводных рыб Камчатки» он проследил пути проникновения на полуостров вселенцев, в особенности в послеледниковый период, систематизировал их по группам. В реках и озёрах Камчатки было отмечено 30 видов рыб. В одну из групп были выделены пресноводные рыбы, которые, однако, не чужаются солоноватых вод. Это микижа, нельма, ряпушка, валёк. Ещё одна группа – типично пресноводные рыбы. Их четыре вида: хариус, щука, налим и подкаменщик. «Таким образом, ареал типично пресноводных рыб Камчатки в основном занимает бассейны северо-восточных рек полуострова. По-видимому, этот географический район явился плацдармом для дальнейшего проникновения рыб на юг, что удалось пока сделать хариусу и подкаменщику, а также, вероятно, вальку, если считать, что последний не выходит в море... Проникновение пресноводных рыб во внутренние водоёмы полуострова является хорошим примером заселения своеобразных ареалов континентальной фауной» - такой вывод сделал учёный. И потому группа пресноводных рыб – карась, сазан и стерлядь, завезённая человеком для акклиматизации, является закономерным заполнением экологических ниш рек и озёр полуострова /6,7/.

Что же касается значительного снижения численности камчатских лососей, то, как удалось установить, главной причиной стал хищнический японский промысел в море, интенсивность которого с каждым годом возрастала /8/. На нерест в реки и озёра полуострова заходило всё меньше рыбы. Это привело к депрессии стад лососей, особенно нерки – самой ценной из лососевых рыб. Потребовалось вмешательство на государственном уровне. Была заключена советско-японская рыболовная конвенция по регламентации морского промысла. Игорю Ивановичу Куренкову, как специалисту, обладающему широкими знаниями в разных сферах, было поручено возглавить научно-техническую часть в советско-японской комиссии по лососю/4,9/. В течении двадцати лет он, вооружённый неопровержимыми фактами, в дискуссиях с японскими представителями отстаивал вопросы регулирования промысла. По каждому виду лососевых рыб определялись квоты вылова, регламентировалось количество судов в районах концентрации рыбы. Меры по регулированию и контролю благотворно повлияли на восстановление стад лососей. Со временем это признали даже японские учёные.

Игорь Иванович был участником многих экспедиций по обследованию водоёмов, имеющих рыбохозяйственную ценность (озёра Нерпичье, Азабачье), среднее течение реки Камчатки и её притоков (Толбачик, Еловка и другие).

В озере Дальнем он проследил биологические циклы развития планктонного рачка, которым в основном питается молодь нерки, и на его основе предложил методику определения в озёрах первичной продукции, на базе которой развивается новое поколение лососей /10/.

Гидробиологические исследования показали: лишь в глубоких озёрах возможно обеспечить воспроизводство нерки в большом количестве. В таких водоёмах круглый год развивается зоопланктон, которым питается молодь нерки.

В 1952 году Игорь Иванович впервые встретился с озером Кроноцким /11/. Тогда вместе с Е. М. Крохиным, лимнологом и географом, который ещё в 1935 году проводил здесь исследования, они на маленьком гидросамолёте «Ша-2» приводнились на озере. Этот самый крупный на полуострове водоём интересен тем, что в нём обитает пресноводная форма нерки, которая не уходит для нагула в океан. В древности продукты извержений вулканов перегородили долину реки Кроноцкой, образовав озеро. Оказавшись в западне, нерка и гольцы приспособились к новым условиям жизни. Но потеряв возможность нагула на богатых пастбищах в морях, нерка значительно уменьшилась в размерах. Её называют учёные жилая красная или кокани, как именуют её индейцы Аляски. Из океана же нерка не может проникнуть в озеро на нерест из-за крутых водопадов и быстрого течения в верховьях реки Кроноцкой.

Учёными была высказана идея о возможности создания в озере проходного стада красной рыбы. «Для этого необходимо построить рыбоходы через водопады и акклиматизировать здесь новое стадо проходных рыб», - писал И. И. Куренков. Последовали новые экспедиции. Был проведён большой комплекс ихтиологических и гидробиологических исследований на озере, реке и безымянном озёрке, получившем название Крокур. По расчётам учёных, Кроноцкое озеро может воспроизводить такое стадо лососей, которое способно конкурировать с озерновским стадом нерки. Предложением учёных заинтересовались в рыбных организациях. Рассматривались различные варианты осуществления проекта /12/. С конца семидесятых годов этой проблемой занимался сын Игоря Ивановича – С. И. Куренков, кандидат биологических наук, изучавший в озере жилую форму нерки (кокани) и расселивший её в различных озёрах полуострова. Но «Кроноцкий проект» по разным причинам так и не был реализован.

Игорь Иванович чутко воспринимал экологические связи в природе. В период пробуждения и активного действия вулкана Безымянный в 1956 году он обратил внимания на огромное количество пепла, попавшего в реки и озёра долины Камчатки. Оказывает ли он влияние на лососей? Прошло много времени, прежде чем стала ясна

картина /13/. Исследования в озере Азабачьем показали: продукты извержений, содержащие минеральные соли, оказывают огромное влияние на биологические процессы. Было подсчитано: в бассейн озера с продуктами извержений попало более одной тысячи тонн различных солей, в том числе, так называемых биогенных, вызывающих удобрение водоёма, отмечал И.И.Куренков /14/. В результате, в течение нескольких лет в озере резко (в несколько сот раз) повысилась численность диатомовых водорослей. Эти водоросли являются основным кормом мелких рачков – циклопов и дафний, которые, в свою очередь, служат пищей молоди красной, обитающей в озере. Изменения были прослежены по всей цепочке биологических процессов.

«В первые четыре года после пеплопада численность рачков была подавлена, но затем она начала расти и ещё через четыре года достигла небывалых размеров (в 20-30 раз выше обычной). Такое богатое развитие корма не могло не отразиться на урожайности молоди красной, нагуливавшейся в эти годы в озере», - отмечает И.И.Куренков в статье «Вулканы и рыба». Через пять-шесть лет нерка этого поколения пришла в озеро в таком большом количестве, какого не помнили старожилы.

Полученные результаты, а также обследование нерестовых рек после извержения вулкана Толбачик в 1975 году стали серьёзным доказательством в пользу удобрений нерестилищ /15/. Сама природа подсказывала путь к увеличению воспроизводства лососей. Первопроходцу исследований И.И.Куренкову было поручено возглавить новое направление в институте. Лаборатория кормовой базы и промысловой океанографии, которой он заведовал с 1955 года в КоТИНРО (нынешнее КамчатНИРО), была преобразована в лабораторию фертилизации и мониторинга внутренних водоёмов. По рекомендации учёного удобрения были внесены сначала в нерестовое озеро Лиственничное, а затем озеро Курильское. Эксперименты показали высокую эффективность - численность нерки в них возросла в несколько раз/16/.

Жизнь в экспедициях, вдали от населённых пунктов не раз преподносила сюрпризы, порой очень опасные. Вот что вспоминает коллега Игоря Ивановича по институту А. Г. Остроумов. «Однажды зимой мы остановились на озере Кроноцком, чтобы взять гидрологические пробы. Часа через два разыгралась сильная пурга. Ветер ураганный. Поставили с Игорем Ивановичем палатку. Но и в ней было неуютно. Мы везли на соседнюю метеостанцию журналы. Пришлось расстелить их под себя. Палатка содрогалась от ветра. С пушечным гулом стал лопаться лёд. Мы опасались: вдруг под нами возникнут трещины? Так продолжалось двое суток. Когда успокоилось, вылезли из палатки и пошли долбить метровый лёд, надо было взять запланированные пробы планктона. Уложили снаряжение на «импровизированные санки» и потащили по

застругам. У Игоря Ивановича в рюкзаке что-то начало с грохотом взрываться. Он повернулся ко мне и возмущённо сказал: «Зачем палкой бьёшь по спине?» Оказалось, стеклянная посуда, в которой находились пробы, стали лопаться от мороза».

Летом, спускаясь по рекам на батах и сконструированных катамаранах, часто попадали под опасные заломы деревьев. Не обходилось без травм и ушибов. А однажды лишь чудом уцелел от гибели. В августе 1955 года маленький самолёт «По-2», на котором Игорь Иванович совершал полёт в качестве наблюдателя нерестилищ на притоках реки Камчатки, потерпел катастрофу /17/. «Через неделю, похудевшего и ободранного, украшенного синяками, меня доставили в Козыревск, откуда на лодке я отправился продолжать исследования», - вспоминал он.

Будучи крупным гидробиологом, известным в стране и за рубежом, Игорь Иванович отдавал много сил и энергии популяризации научных знаний, экологическому образованию и краеведению. О многом, что удалось увидеть и узнать во время походов, экспедиций и исследований он стремился поделиться с читателями на страницах газет и журналов.

В апреле 1957 года, совершая с каюром из Жупанова П. Т. Юшковым поход на собачьей упряжке на озеро Кроноцкое, они по пути сделали остановки в кальдере Узона и Долине гейзеров /18/. Заметим, это был первый зимний поход в Долину гейзеров, в которой в те годы побывало считанное количество людей. Об этом походе им написан очерк «В долине гейзеров», опубликованный в журнале «Дальний Восток».

В кальдере Узона он провёл исследование термальных озёр. «Меня интересовало Фумарольное озеро. Я извлёк из нартового груза резиновую лодку, надул её и перетащил к озеру. Вместо вёсел приспособил лыжи. Вооружившись родниковым термометром, шкалой для определения степени кислотности воды, гидробиологическим сачком и планктонной сеткой, я оттолкнулся от берега. Глубина постепенно увеличивается: два, три, четыре метра. И вдруг обрыв до 12 метров. Здесь вода кипит, крупные и мелкие пузыри с шипением лопаются вокруг лодки, Но вода и здесь всего плюс 12,5 градуса.

Есть ли что-нибудь живое в этой пахнущей серой воде? Не сохранилось ли где каких-нибудь животных с третичного времени, когда на Камчатке качались пальмы, и небо дышало зноем? Ведь горячие ключи находили выход через толщи ледников, покрывших землю, и в своём постоянном тепле могли сохранить ракообразных, насекомых или червей?

Нет, напрасно я рассматриваю содержимое планктонной сетки – в прозрачной склянке не видно никаких организмов. Только подняв сачком ил, я нашёл в нём крупных

красных личинок комаров- звонцов. Но это обычные жители всех водоёмов, где вода слабо насыщена кислородом».

Рассказывая о впечатляющем извержении горячих фонтанов в Долине гейзеров, Игорь Иванович обращает внимание на окружающие озера. «На небольшой глинистой террасе, куда мы спустились, блестела несколько маленьких озёр. Одни из них были чуть теплыми, и в них кипела жизнь: бегали водяные клопы – кориксы, извивались личинки комаров; в других водоёмах горячая вода была окрашена в опаловый цвет. Здесь не было заметно признаков жизни». Однако в реке Гейзерной он отмечает весьма богатую фауну беспозвоночных, главным образом ручейников.

Примечательно, что, когда в 1975 году стало известно о Долине смерти у истоков реки Гейзерной, И. И. Куренков вспомнил, что во время зимнего похода они с Юшковым ночевали там и провели беспокойную ночь из-за удушливых газов /19/. Сохранившиеся снимки подтвердили, что это именно то место.

На страницах газет и сборников он опубликовал ряд очерков и корреспонденций о своеобразии озёр полуострова, их происхождении, водных обитателях. В очерке «Где стоял великан» (сборник «Уникумы природы», 1966) подробно рассказал об озере Кроноцком – самом большом на полуострове. Объяснил загадки озера Нерпичьего, которое из пресного стало солёным. Из его публикаций стали известны данные о максимальных глубинах озёр: Двухюрточного /25,6 м/, Авачинского /39 м/, Начикинского /36 м/, Медвежьего в бассейне Авачи /40 м/, Лиственничного / 28 м/.

Игорь Иванович с любовью рассказывал о людях, внёсших большой вклад в исследование рыбных богатств Камчатки - о старейшем ихтиологе И.И.Кузнецове, о своих коллегах Е. М. Крохине, Ф. В. Крогиус, И. И. Лагунове, А. Г. Остроумове. С ними он неоднократно выступал вместе в печати в защиту своеобразной и легко ранимой природы Камчатки и её главного богатства – лососей /20/. С И. А. Полутовым и И. И. Лагуновым участвовал в создании научно-популярной книги «Промысловые рыбы и беспозвоночные Тихого океана», которая стала пособием для капитанов судов и технологов. Раздел о промысловых беспозвоночных написал И. И. Куренков /21/.

О чём бы он ни писал – о рыбах, находках жемчужницы на полуострове, памятниках природы или защите лесопарковой зоны на Петровской сопке, - его статьи находили широкий отклик у читателей.

Но мало кто знает, что Игорь Иванович ещё в начале своей работы на полуострове совершил научный подвиг – спас результаты труда ботаников, собравших гербарий растительности во время Камчатской экспедиции 1908-1909 гг. под руководством В. Л. Комарова. Было это в 1951 году. Об этом рассказал его друг и коллега Анатолий

Георгиевич Остроумов в статье «Как был спасён гербарий Комарова» /22/. Однажды проходя мимо краеведческого музея, который находился вблизи нынешнего здания КамчатНИРО, Игорь Иванович заинтересовался кипами старых книг и газет, которые сжигали на костре работники музея. Среди обгоревших связок бумаг он обнаружил книги участников известной Камчатской экспедиции Русского географического общества 1908-1909 гг. Куренков попытался вмешаться и приостановить очевидное варварство. Но работники музея попросили его не препятствовать избавляться от ненужного хлама.

- А что это за многочисленные, туго перевязанные кипы бумаг? – спросил Игорь Иванович.

- Какие-то цветочки, листочки да веточки. Давно хотели их сжечь, столько места у нас занимали, а его и так не хватает.

Игорь Иванович прочитал некоторые надписи на пачках бумаг, и догадка буквально пронзила его, пишет А.Г.Остроумов. Скрывая охватившее волнение, безразличным тоном он попросил отдать ему эти никому не нужные пачки. И услышал в ответ:

– Забирайте, если вам делать нечего.

Игорь Иванович погрузил на попутную машину все пачки и привёз в Камчатское отделение ТИНРО в свой кабинет. С трудом удалось разместить их в большом шкафу.

Прошло несколько лет. Однажды в кабинет к Игорю Ивановичу зашли женщина и мужчина. «Мы из Ленинграда, из Академии наук, - представились они, - Разыскиваем старые материалы Камчатской экспедиции 1908-1909 годов. Была слабая надежда отыскать какие-то следы замечательного гербария Комарова. Но вряд ли он сохранился, мы везде спрашивали – всё напрасно.

Поговорили о бывшем президенте Академии наук СССР В. Л. Комарове, о значении этого гербария для науки, для познания растительности Камчатки, о важности сохранения реликвий прошлого и бездумном уничтожении бесценного наследия знаменитой экспедиции.

Когда приехавшие собрались уходить, хозяин кабинета попросил их на минуту задержаться, открыл дверцу шкафа и предложил взглянуть на содержимое толстых пачек, плотно уложенных на полках.

С одного взгляда приезжие ботаники всё поняли и оценили. Не сговариваясь, они опустились на колени перед Игорем Ивановичем, спасшим бесценный гербарий.

Являясь действительным членом Географического общества СССР, председателем секции биогеографии Камчатского отделения этого общества, И. И. Куренков много энергии отдавал выпуску журнала «Вопросы географии Камчатки», членом редколлегии которой он состоял.

Верный принципам точности во всём, он докапывался до истоков в любых вопросах. В корреспонденции «Топонимические заковыки» /23/ он обратил внимание на различие некоторых географических названий, которые встречаются в отчётах исследователей, на страницах газет и путеводителей. Как писать: Семячик или Семлячик? Это название носят два вулкана, две реки, лиман и другие объекты. Знаток истории Камчатки, Игорь Иванович убедительно показал: название происходит от имени тойона Шемеча, жившего на побережье океана. В другом случае произошла «ломка» русского языка: пишут Корякское нагорье и Коряцкое нагорье. «Все эти, казалось бы, пустяковые мелочи, могут служить источником серьёзных недоразумений и ошибок. На топографических картах области существует много гор, рек, озёр, урочищ, не имеющих названий. Это часто затрудняет работу геологов, гидрографов, работников рыбного и лесного хозяйства. Зачастую приходится давать свои, тут же выдуманные названия, что вносит ещё большую путаницу». Он предложил топонимической комиссии закреплять за географическими объектами старинные названия коренных жителей, а безымянные называть именами исследователей-первопроходцев. Таким первопроходцем в науке был И. И. Куренков. Один из его воспитанников, кандидат биологических наук А. С. Николаев, рассказывая об озёрах Камчатки, пишет об обнаруженной на дне Двухюрточного озера подводной морене вблизи истока Еловки. «Это крайне причудливая неоднородность дна водоёма справедливо будет носить имя известного гидробиолога Камчатки Игоря Ивановича Куренкова»/24/.

Игорь Иванович был человеком широкого кругозора и разных увлечений. Он прекрасно фотографировал. Помнится, однажды в институте был устроен конкурс слайдов. Его цветные снимки по общему признанию были лучшими. Выступая, Игорь Иванович рассказал так много интересного из истории фотографии и технике обработки фотоплёнки, что я поразился. Оказалось, в юности он работал препаратором и лаборантом-химиком в кинофотоинституте, что потом, естественно, пригодилось в научной работе.

Последнее интервью с И. И. Куренковым было опубликовано в «Камчатской правде» 10 октября 1989 года под названием «Дерзкое озеро». В нём он рассказывал о продолжении работ по удобрению Курильского озера с целью увеличения стада нерки. А 11 октября он скорострительно скончался /25/. По желанию его прах развеян в бассейне реки Камчатки, исследованию которой он посвятил лучшие свои годы.

Влюблённый в Камчатку, он навсегда остался здесь.

- 1.Остроумов А. Г. По Камчатке – от мыса Лопатки до реки Халактырка. Петр.-Камч., стр.37.
- 2.Куренков И. И. Двухюрточное озеро / Вопросы географии Камчатки, 1964, вып. 2, стр.:63-69
- 3.Куренков И.И.Иван Иванович Кузнецов. ^Известия ТИНРО,1974, т. 90, стр.205-209.
- 4.Вахрин С. И. Логика случая. // Камчатский комсомолец,19986, 1 февраля.
- 5.Куренков И. И. Зоогеография пресноводных рыб Камчатки.//Вопросы географии Камчатки,1965,вып.3, стр.25-34.
- 6.Куренков И. И. Есть камчатский сазан (из истории акклиматизации пресноводных рыб в водоёмах Камчатки). // Камчатская правда,1977,8 июля.
- 7.Куренков И. И. К акклиматизации стерляди на Камчатке //Вопросы географии на Камчатке, 1977, вып.7, стр. 50-52.
- 8.Куренков И. И. О причинах значительного снижения численности камчатских лососей. // Природа,1959 №2, стр.123.
- 9.Куренков И. И. На охране рыбных богатств (к итогам работы советско-японской комиссии по рыболовству в северо-западной части Тихого океана) // Камчатская правда,1973,16 июня.
10. Лагунов И. И. Развитие рыбохозяйственной науки на Камчатке //Вопросы географии Камчатки, 1967, вып.5, стр. 17-21.
- 11.Куренков И. И. Где стоял великан // Уникумы Камчатки, 1966. Стр.21-26.
12. Куренков С. И. История одной проблемы (о развитии лососей в озере Кроноцком).// Камчатский комсомолец,1978, 3 июня.
13. Куренков И. И. Вулканы, пеплы, лососи //Камчатская правда,1982, 6 февраля
14. Куренков И. И. Вулканы и рыбы //сб. «Плывать по морю необходимо». Стр.472-474.
15. Куренков И. И. Истоки биологической продуктивности //Камчатская правда, 1986, 9 июля.
- 16.Антонов В. Расти, нерка! /беседа с зав. лабораторией фертилизации и мониторинга КоТИНРО, кандидатом биологических наук И.И.Куренковым) //Камчатская правда,1987,14 октября.
17. Куренков И. И. Об авторе // предисловие к книге А.Г.Остроумова «Записки камчадала», стр.3-7.
- 18.Куренков И. И. В долине гейзеров //Дальний Восток,1960,№1, стр.160-167.
- 19.Куренков И. И. Ночёвка в долине смерти //Камчатская правда,1980, 11 октября.

20.Крогиус Ф., Бирман И, Куренков И., Лагунов И. Уникальна на планете // Камчатская правда, 1979, 26 мая.

21. Полутов И. А., Куренков И.И. «Промысловые рыбы и беспозвоночные Тихого океана» // Дальневосточное книжное издательство, Камчатское отделение, 1980.

22.Остроумов А. Г. Как был спасён гербарий Комарова // «Камчатка». Информационный дайджест, 1997, №1/3/.

23. Куренков И. И. Топонимические «закавыки» // Камчатская правда, 1975, 6 сентября.

24.Николаев А. С. Чудо каждого дня. Петр.Камч., 1995, стр.82.

25. Памяти Игоря Ивановича Куренкова // Вопросы географии Камчатки,1989, вып.10, стр.204-205.